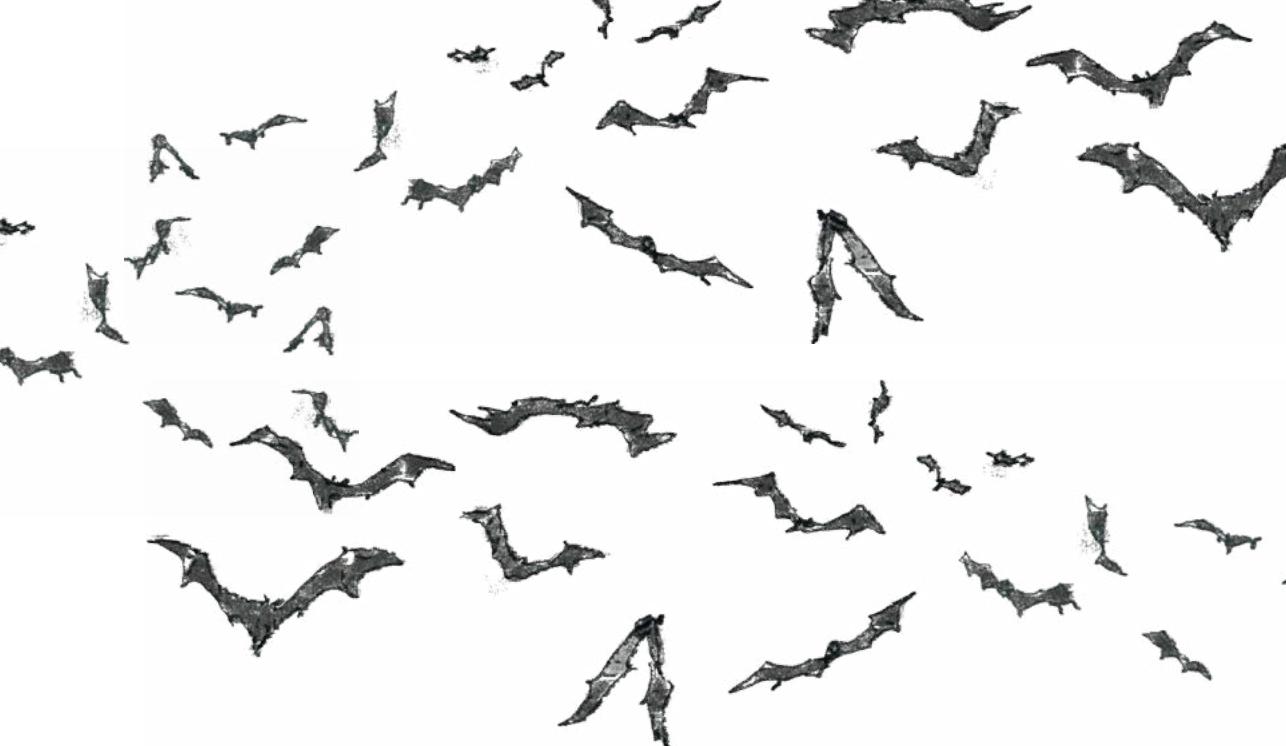

Кровь с молоком

У меня есть сестра. Троюродная. Зовут её так же, как и меня, — Аня. Мы редко видимся, потому что Анька живёт в Москве, а я в Петербурге. Родственники между собой называют нас Аня Питерская и Аня Москвичка, чтобы не путать. Правда, одинаковые у нас только имена. Анька пухленькая, низенькая и кудрявая. А у меня

волосы длинные и прямые, и сама я тоже длинная и прямая.

— Как Невский проспект, — шутит бабушка, если сравнивает меня с Анькой. — А сестрица твоя — Красная площадь, круглая да румяная. — И подкладывает мне в тарелку вторую котлету.

Ещё бабушка говорит про Аньку:

— Кровь с молоком!

Я вся съёживаюсь, когда это слышу. Представляю, что какой-нибудь вампир мою аппетитную Аньку съест. И молоком запьёт.

Хорошо, что в Москве вампиры не водятся.

Принцесса в башне

Я приехала в Москву, к Аньке в гости. Ну и мои родители заодно — в гости к Анькиным. Наши бабушки друг другу родные сёстры, а мамы — двоюродные.

Приехали мы днём, в пять часов. Анькины родители были на работе. Поэтому к ним домой мы добирались сами — на метро и пешком. Анька ждала нас дома, каждую минуту посыпая мне эсэмэски.

Вы где?

Долго ещё?

Скучаю!

Жду!

А сейчас вы где?

И я говорила каждую минуту:

- Мам, пап, мы где?
- Долго ешё?
- Там Анька скучает! Ждёт!
- А сейчас мы где?

Потом слова у Аньки закончились. Она стала присыпать грустных ждунов. А я молча шла с родителями по улице Россошанской и думала о том, что название у неё очень... очень... пушистое, вот!

Накануне Анькина мама нам в скайпе сказала:

— По Россошанской пройдёте Сбербанк и две башни. А вам нужна третья, возле которой «Почта России».

Я никогда не была в Москве и даже не удивилась, что Анька с родителями живёт в настоящей башне. Может, здесь все так живут! Ну, или только те, кому повезло поселиться на улице Россошанской.

А ещё я представила, что моя сестра Анька — принцесса. В замке с башней. Совсем как Рапунцель, как Анна с Эльзой. Принцесса Анна...

И вот мы идём по той самой улице. Сбербанк видим, почту видим.

- Мам, пап, а башни где?

Родители остановились. Переглянулись.

— Посмотри гугл-карту, — сказала мама папе.
— Сами найдём! — твёрдо ответил он и завертел головой в разные стороны. Сбербанк был. Почта была. Башен не было.

Я представила на секунду, что принцессу Аньку заколдовали. Вместе с башней. Обе они — Анька и башня — теперь невидимые.

Я занервничала. Родители тоже. Папа полез в карман за смартфоном.

Но тут из дома, возле которого мы стояли, раздался крик:

— Анька-а! Долго ешё?! Я скучаю! Жду!

Мы дружно посмотрели наверх. С балкона виднелась Анькина голова и две руки, махавшие нам с бешеною скоростью.

Родители снова переглянулись. Поглядели на серый высокий дом, из которого нас позвала Анька, и на «Почту России» возле него.

— Башня?! — засмеялась мама.

— Башня! — облегчённо сказал папа. — Московский диалект!

И мы пошли здороваться и обниматься с Анькой. Она хоть и не принцесса, но человек хороший. Главное, ждать умеет.

Московский акцент

Вечером все собрались за столом. Пришла даже Анькина старенькая прабабушка. Увидела меня и сказала протяжно:

— Анечка-а, де-еточка-а!..

Выросла-то ка-ак... Ах, кра-
савица-а...

Она говорила нараспев
и чуть-чуть лениво. Никто
ещё так мило не назы-
вал меня: «А-анечка-а...»
Тянулось в воздухе певучее
«а», перетекало в плавное «э-э»
и в новое «а», глубокое, долгое...

— Почему она так... слова тянет? — шепнула
я Аньке в самое ухо.

— Московский акцент, — гордо сказала Анька. —
Только у старых москвичей сохранился.

— Хочу говорить как старый москвич, — про-
шептала я.

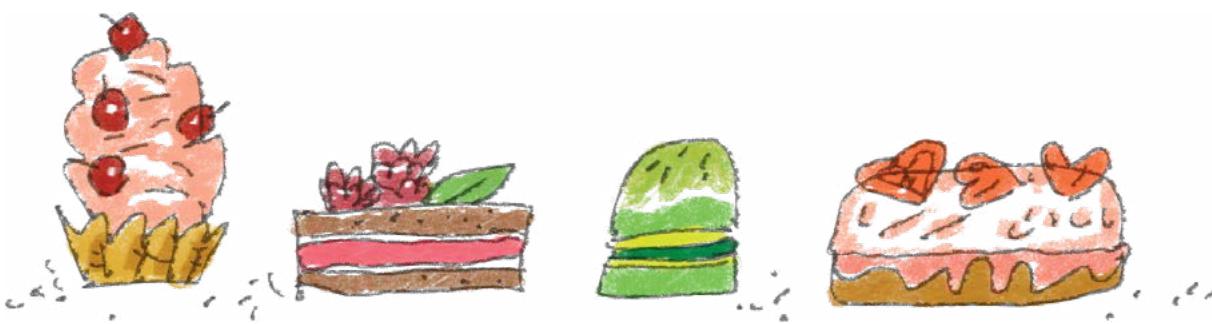
— Да это легко, я умею, — похвасталась Анька.
И тут же сказала громко, на всю кухню:

— Переда-айте мне, пожа-алуйста-а, булочку...
Но Анькина мама строго велела ей:
— Хватит кривляться!
И булочку не дала.
Всё-таки Анька — не старый москвич, а совсем
ещё молодой.

Калач

В честь нашего приезда Анькины родители наку-
пили и наготовили разных вкусностей.
Я оглядела праздничный стол и робко спросила:
— Можно мне... калач?
— Калач?! — повторила Анькина мама, и брови
у неё изогнулись дугами.

— Аньта у нас бабушкиных историй наслушалась, — объяснил мой папа. — Про то, как бабушка раньше калачи покупала...

— В Москве калачи, как огонь, горячи! — выдала я.

— А что такое калач? — влезла в разговор Анька.

— По форме он похож на маленьнюю гирю. Или на сумочку с ручкой, — объяснил теперь уже Анькин папа. — За «ручку» держали, а «сумочку» ели.

(Папа у Аньки — историк. С усами, бородой и в очках. Он знает про Москву всё на свете! И про калачи, как выяснилось, тоже.)

— Я бы хотела попробовать... — тихо сказала я.

Анькин папа кивнул и озадаченно почесал бороду.

С тех пор мы часто заходили в разные булочные. В кондитерские и кафе. В пекарни-кондитерские и кафе-пекарни, и даже в гастрономический бутик.

Везде мы спрашивали про калачи. А нам отвечали:

- Есть круассаны свежие...
- Датские булочки с марципаном — рекомендую!
- У нас очень вкусная вишнёво-фисташковая шибу!
- Слойки с рикоттой и ананасами — не желаете?..
- Капкейки, чизкейки, маффины — выбирайте...
- Возьмите рогалики!

А калачей не было ни разу, нигде. Они даже стали мне по ночам сниться.

В воскресенье утром Анькина мама выставила на кухонный стол дрожжи, муку и большую миску. Сказала решительно:

- Испеку! Я в интернете рецепт нашла.

Мы с Анькой обрадовались, взяли планшеты и устроились за столом. Калачи караулить.

Оказалось, их не так-то просто дождаться. Надо замесить тесто, дать ему подняться в тепле, убрать в холодильник... В общем, мы поели овощного рагу и пошли в парк. Надолго. Чтобы ждать легче было.

Когда мы вернулись, Анькина мама всё ещё с тестом возилась. Делала из него аккуратные шарики... Плоские лепёшки... И наконец — ура! — тестяные сумочки.

— Давайте ужинать, — сказала Анькина мама.

— Мы калачей подождём! — возразила Анька.

— Заготовки должны сорок минут полежать в тепле...

Мы застонали. И ушли страдать в комнату.

Когда за окном стемнело, с кухни поплыли аппетитные ароматы. Пахло чем-то печёным и нежным... Счастьем пахло!

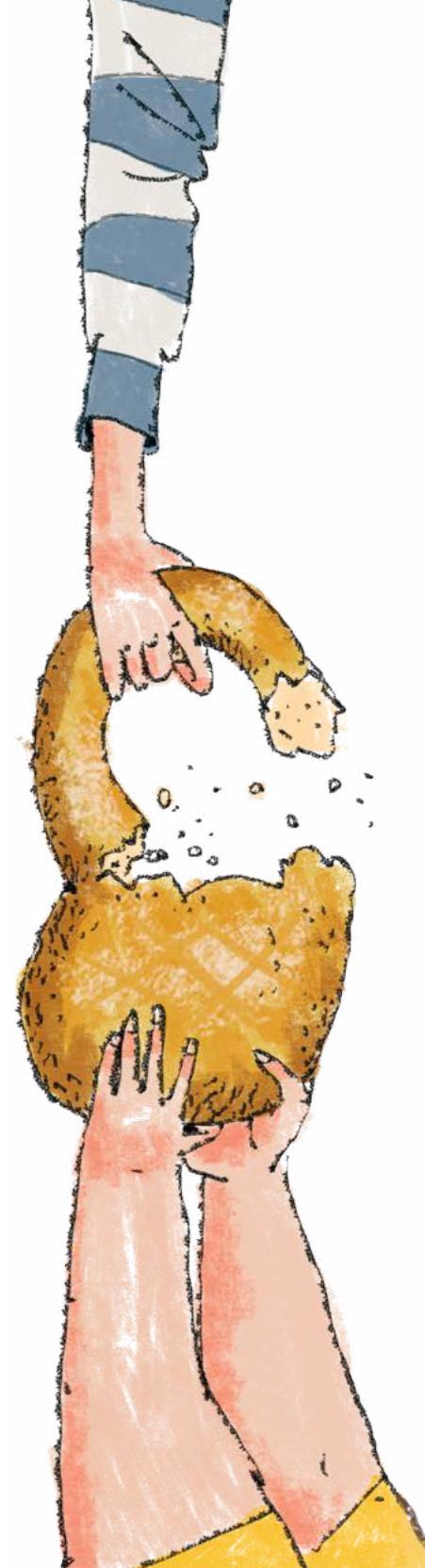
Мы бросились в кухню.

Там на столе стояло большое блюдо. А на нём лежали долгожданные калачи!

— Им надо остывать! — предупредила Анькина мама.

Но нас было не удержать.

Я схватила калач за «ручку», щедро припудренную мукой. Откусила от «сумочки». У неё была хрустящая корочка и под ней что-то мягкое...

Я разжевала мякиш. На глаза навернулись слёзы.
Но не потому, что я обожгла язык.

— Это... это... — выдохнула я. — Калач — это просто булка?!

— Белый хлеб, да, — кивнул Анькин папа. И добавил вполголоса непонятное: — Блины Доди...

— На багет похоже, — сказала Анька. Свой надкусанный калач она сразу вернула на блюдо. А потом посмотрела с сочувствием в мою сторону и стала набирать что-то в планшете.

— Курники, шанежки, расстегаи, кулебяки... — старательно прочитала она. — Вон ещё сколько всего бывает! Да, мам?

Но Анькина мама только рукой махнула. И при-
двинула ко мне последнюю слойку с ананасами.

В саду ли, в огороде...

Старейший ботанический сад в Москве называется очень смешно — Аптекарский огород. Будто там на грядках пастилки от кашля и аскорбинка... Но на самом деле повсюду растут кусты, деревья